

- Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965-1969 гг.) // Феодальная Таврика. Киев, 1974.
- Плетнева С.А. Керамика Саркела-Белой Вежи // МИА. 1959. №75.
- Плетнева С.А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
- Плетнева С.А. от кочевий к городам // МИА. 1967. №142.
- Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху раннего средневековья. М., 1981.
- Плетнева С.А. Правобережное Цимлянское городище // МАИЭТ. Симферополь, 1994. Вып. IV.
- Плетнева С.А., Николаенко А.Г. Волоконовский древнеболгарский могильник // СА. 1976. №3.
- Подгородецкий П.Д. Крым. Природа. - Симферополь, 1988.
- Рыжова Л.А. Гончарная печь VIII-IX вв. вблизи Херсона (в районе Радиогорки) // Византия и ее провинции. Свердловск, 1982.
- Сазанов А.В. К хронологии цитадели Баклинского городища IX-XI вв. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.
- Седякова Л.В. керамическое производство в Херсонесе в IX в. // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.). Тез. докл. междунар. конф. Симферополь, 1994а.
- Седякова Л.В. Керамические печи IX в. в Херсонесе // МАИЭТ. Симферополь, 1994б. Вып. IV.
- Седякова Л.В. Керамический комплекс первой половины IX в. из раскопок водохранилища в Херсонесе // РА. 1995. №2.
- Сорокина Н.П. Средневековое погребение из некрополя города Кепы на Таманском полуострове // Экспедиция Государственного Исторического музея. М., 1969.
- Талис Д.Л. Росы в Крыму // СА. 1974. №3.
- Тарабанов В.А. Поселения болгар на правобережье Кубани // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар, 1993.
- Шелов Д.Б. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму // КСИИМК. 1957. Вып. 68.
- Якобсон А.Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. 1958. №85.
- Якобсон А.Л. Рец.: Археологические исследования средневекового Крыма. - М., 1968 // СА. 1971. №3.
- Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
- Baranov I.A. Die keramik der saltovo-majaki kultur in der Krim // Die keramik der saltovo-majaki kultur und ihrer Varianten. Budapest, 1990.
- Scholl T., Zin'ko V. Archaeological Map of Nymphaion (Crimea). Warsaw, 1999.

ZINKO V. N., PONOMAREV L. Y.

RESEARCH OF EARLY MEDIEVAL MONUMENTS IN THE NEIGHBOURHOOD OF GEROEVSKOYE SETTLEMENT

Summary

In 1996 the Bosporos rescue-archaeological expedition undertook excavation of early medieval complexes in the settlements of Geroevka-2 and Geroevka-3 situated on the edge of shore plateau at the distance of 2.5 km to the south of the settlement of Geroevskoye. On the top of a barrow dating back to the 4th century BC near the northern outskirts of Geroevka-2 a small building dated back to the second half of the 8th - the end of the 9th centuries was studied. Its topographic and constructive peculiarities as well as not large quantity of ceramics indicate to the uninhabitable character of the building. Most probably it was used as a patrol-observation post. On the southern outskirts of Geroevka-3 a two-chamber dwelling building of the same period was excavated. Different packing and crockery were found here. Judging by the finds of fragments of jugs with high neck and flat handle, the destruction of the whole complex should be dated back to the end of the 9th century, when the majority of settlements in the Eastern Crimea were abandoned.

В. С. ФЛЁРОВ

ЛОЩЁНЫЕ МИСКИ, БЛЮДА, ЧАШИ и КУБЫШКИ
ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА

Столетие со дня рождения М.И.Артамонова обязывает напомнить ещё об одной уже прошедшей дате. В 1995 году исполнилось 60 лет его книге "Средневековые поселения на Нижнем Дону" [Артамонов 1935] – первая и по сути его единственная книга, посвященная исключительно археологическим материалам Хазарского каганата. К этому, уже достаточно редкому изданию, обращаются все реже, а зря. При небольшом объеме она содержит большой фактический материал и обширную библиографию. В ней впервые проявился современный подход к археологии Хазарии. Пользуясь весьма незначительным по нынешним меркам материалом, исследователь четко определил круг проблем материальной культуры каганата и круг археологических источников, требующих систематизации и осмысления для решения этих проблем. Среди археологических источников (письменным посвящена его вторая книга "Очерки древнейшей истории хазар", шестидесятилетие которой приходится на 1997 год) на первое место выдвигается керамика, о значении которой автор говорит уже на первой странице своего труда и которой уделено несколько разделов книги. Только изображений фрагментов и целых сосудов приведено 170. Это при объеме книги всего в 117 страниц!

Если до М.И.Артамонова какое-то внимание обращалось хотя бы на весьма эффектную и представленную целыми формами керамику могильников, то он впервые вводит в научный оборот керамику поселений, в том числе Саркела, справедливо сетуя на невнимание прежних исследователей к керамике вообще и в том числе этого первостепенного памятника [Артамонов 1935, с. 23].

Изучение керамики поселений салтово-маяцкой культуры продолжил И.И.Ляпушкин, с трудами которого, отметим, получает распространение это название материальной культуры Хазарии бассейна Дона, а также и ее керамики. Несколько позднее к керамике салтово-маяцкой культуры обращается С.А.Плетнёва. С сожалением, однако, приходится констатировать, что в последние годы интерес к керамике заметно угасает, что никак не оправдано. В целом же, я бы назвал современные представления о ней весьма ограниченными и поверхностными, а для многих регионов Подонья даже зачаточными. Нет не только посвященных ей

монографий, но и публикации ее рисунков стали чрезвычайно редки. Последнее особенно относится к поселениям.

Пренебрежение керамикой тормозит не только изучение собственно Хазарского каганата, но вещеведческое исследование самой керамики: нет возможности выявлять ее прототипы, сравнивать с посудой родственных культур Волжской Болгарии и Первого Болгарского царства. Надо признать, что болгарские археологи отводят керамике времени Первого царства очень большое место в своих публикациях.

Было бы неверным говорить о полном игнорировании керамики в трудах о салтово-маяцкой культуре, но нельзя уйти от того факта, что количество накопленной (часто даже выброшенной, но так и не опубликованной) керамики не идет ни в какое сравнение с представленной на их страницах.

Автор данных строк в течение ряда лет занимался лишь одним видом салтово-маяцкой керамики – так называемой столовой лощеной [Флеров 1976; 1979; 1981; 1981a; 1983; 1990; Flerov 1990]. В продолжение этой тематики предлагается небольшой очерк о двух группах лощеной посуды, которые ввиду относительной малочисленности никогда не были объектом специального рассмотрения. Это очень разнообразные по форме сосуды, условно объединенные в группу “миски” и группа не менее вариативных сосудов, известных как “кубышки”.

Предварительно несколько замечаний о степени их распространенности. Действительно, по сравнению с другими формами салтово-маяцкой кухонной и столовой посуды (горшки, кувшины, кружки, котлы и др.) их заметно меньше, но надо учитывать следующие обстоятельства. Салтово-маяцкая лощеная керамика известна в основном по раскопкам катакомбных могильников, а в качестве заупокойного инвентаря миски и кубышки действительно использовались очень редко, можно сказать, в исключительных случаях. Надо полагать это была в прямом смысле слова обыденная столовая, трапезная посуда. Вероятно она не считалась престижной и снабжение ею умерших не было принято. Из этого следует, что искать ее необходимо в первую очередь среди керамики поселений. Но, во-первых, керамика поселений известна значительно меньше. Во-вторых, на поселениях, за редким исключением, она представлена мелкими фрагментами. Если по венчикам некоторых типов миски еще можно выделять среди прочих видов лощеной посуды, то венчики или донца кубышек удается определить лишь в немногих случаях. Они трудно отличимы от венчиков горшков. Об определении фрагментированных стенок мисок вообще говорить не приходится.

Кроме того, надо иметь в виду, что значительная часть мисок, может быть очень значительная, были деревянными [Флеров 1980]. Из дерева изготавливали не только миски и блюда, но и другие сосуды разных форм [Николаенко 1991, с. 48, 127].

Таким образом, распространенность мисок особенно, а также и кубышек была гораздо большей, чем это может показаться при формальном подсчете идентифицированных с ними фрагментов. Даже если допустить, что каждая семья в Хазарии имела только одну миску из глины, то количество их исчислялось в каждом поселении десятками, а в целом по каганату тысячами. Уже известно поселение – Подгаевское, где миски составляли по наблюдениям К.И.Красильникова большую часть столовой посуды [Красильников 1976]. На поселении открыта и гончарная мастерская. И, надо полагать, таких центров по выделке мисок было на территории

салтово-маяцкой культуры множество. Об этом позволяет судить большое разнообразие даже известных уже форм мисок, блюдец, чаш, а также распространение их во всем ареале культуры, как в лесостепи, так и в степях. Аналогично и распространение кубышек, но к вопросу об их распространении мы еще вернемся.

Классификация форм салтово-маяцких мисок и кубышек до сих пор не разработана. Так, С.А.Плетнёва в обзоре керамики отвела кубышкам всего два абзаца [Плетнёва 1967, с. 118], а миски вообще не выделяла в качестве отдельной категории посуды. Позднее я предложил первый вариант классификации публикуемых здесь сосудов [Флеров 1981, с. 7].

На сегодня я предпочитаю от использования каких-либо классификационных терминов (отдел, тип и др.) в отношении мисок отказаться вообще – нужны более представительные выборки в целом по культуре и по отдельным памятникам. Несколько изменена классификация кубышек, но термин “тип” сохранен для них в качестве чисто служебного.

Что касается форм представленных только одним сосудом, то опыт работы с лощеной керамикой привел меня к твердому заключению: за одним сосудом всегда стоит серия аналогичных. Сосуды индивидуальных, нетрадиционных форм бытовой посуды гончары Хазарского каганата не изготавливали. Появление таких означало бы, по существу, возникновение гончарного прикладного искусства. В Хазарии гончары до этого уровня не поднялись. Не было и поисков новых орнаментов. Справедливости ради отметим, что сосуды единичных форм встречаются, но это тема особого исследования.

Таким образом наличие в данный момент только одного экземпляра определенной формы надо рассматривать как указание на находки аналогичных в будущем. В дальнейшем выделенные серии или единичные сосуды смогут послужить основой для выделения привычных отделов, типов, видов, вариантов.

МИСКИ. Прежде всего о самом этом термине. Он достаточно условен. Сосуды, которые покрывает это наименование, очень различны по форме и объемам. В древности, безусловно, каждая форма имела определенное назначение и собственное наименование, которые нам неизвестны. Что касается назначения, то наверняка они не пригодны для подачи “к столу” кусков мяса. В зависимости от глубины и пологости стенок они пригодны для бульонов, напитков, отваров лечебного назначения, для каши, ягод, орехов, приправ и тому подобных вещей. Более глубокие были пригодны для ополаскивания пальцев. Какие-то могли служить в качестве туалетных (парфюмерных). Небольшие мисочки наверняка предназначались и для детей.

Ввиду того, что большинство мисок происходит с поселений и представлены только фрагментами, преимущественно венчиков, группировать их пока целесообразно именно по профилям венчиков. От расчета пропорций ввиду малочисленности каждой серии пока можно воздержаться – практических результатов это сегодня не дает.

1. Миски разных параметров, диаметры венчиков от 14 до 27 см, с прямыми стенками, наклон которых по отношению ко дну колеблется в пределах 30-45° (рис. 2, 1-4; примечание: на рисунках 2-8 для всех мисок дана сквозная нумерация от № 1

до № 47, что позволит изредка ссылаться на номер сосуда без указания номера рисунка). К ним близка и мисочка с самыми низкими стенками, но в дальнейшем этот вид, вероятно, можно будет обособить (№ 5).

Прямостенные миски наиболее грубые по выделке среди прочих. По своей форме и качеству они близки лепным "кухонным" мискам аналогичных форм. Возвращаясь к вопросу о терминах, укажу, что кухонный сосуд такой же формы, но с ручкой, С.А.Плетнёва называет то блюдом [Плетнева 1959, с. 224, рис. 11], то сковородой [Плетнева 1967, с. 120].

2. Сосуды с прямыми стенками, но с загнутым внутрь венчиком. Степень наклона стенок примерно та же (рис. 2,6-9). Морфологически они неоднородны. Близки между собой сосуды №№ 6 и 9, которым на мой взгляд более всех присуще наименование "миска". Другую пару образуют сосуды №№ 7 и 8. Особо стоит обратить внимание на то, что в каждой паре есть сосуд со сливом. Ясно, что при заметных различиях в форме и вместимости они имели одно предназначение.

Сосуды с загнутым внутрь краем имели аналоги, вероятно прообразы, в лепной посуде (рис. 2,10).

3. Из Фанагории происходит фрагмент полного профиля, по которому восстановлена и полная форма приземистой широкодонной миски диаметром 22 см (рис. 2,11). Венчик имел ложбинку, что не характерно для салтово-маяцких мисок. Вероятно, она предназначалась для крышки. Еще одна особенность – сквозное отверстие в стенке. Не исключено, что оно было не единственным и, вероятнее всего, отверстия предназначались для отцеживания.

4. Серия сосудов, которые могут быть названы пиалообразными. Из них четыре происходят из упоминавшегося поселения Подгаевка. Я располагаю только небольшими венчиками, по которым реконструируется лишь верхняя часть сосудов (рис. 3). Диаметры венчиков от 24 до 30 см. Лишь у одного сосуда № 18 он равен 15 см. Все сосуды явно были узкодонными, а возможно какие-то среди них и круглодонными. Стоит подчеркнуть, что форма "пиалообразных" сосудов очень устойчива. Это при том, что встречаются они на большом пространстве: на Северском Донце (Подгаевка), в Северном Приазовье (река Еланчик), на Нижнем Дону (п.Суворовское), в Фанагории.

5. Округлобокие широкодонные и относительно высокие сосуды, которым более подходит название не миска, а чаша (рис. 4; 5,23-25). Они достаточно вместительны. Высота целых экземпляров 9-12,5 см, диаметр тулова 19-21,5 см. Для них характерен невысокий венчик с различной степенью отогнутости. Небольшая серия таких сосудов выделена на Правобережном Цимлянском городище (№№ 19-22). Ранее они уже публиковались [Флеров 1994, с. 515, рис. 24,1-4]. Вероятно здесь был один из центров их производства. Интересно, что очень близкий по форме и "поясу" на средней части тулова одному из правобережных сосудов (№ 19) происходит из Дмитриевского могильника на севере Хазарского каганата. Надо полагать, сосуды этого вида имели широкое распространение. Несколько особняком в данной серии стоит сосуд Суворовского поселения. Его отличает несколько иное соотношение высоты и

диаметра тулова и более широкое устье (№ 24). Стоит отметить его заметную асимметричность, но и хорошее лощение [фото этой чаши известно по публикации И.И.Ляпушкина: Ляпушкин 1958, с. 328]. Не исключаю, что данная чаша относится к промежуточным формам между данными и следующими, а возможно и будет в дальнейшем отнесена к последним (см. для сравнения миску № 26 на рис. 5).

Обращает внимание, что чаши, наряду с еще одним видом сосудов (№№ 31-36) наиболее нарядны – почти все в той или иной степени украшены орнаментами. У фрагмента № 22 орнаментирована и внутренняя, видимая при пользовании чашей поверхность венчика. Можно предположить, что чаши относились не просто к числу столовой посуды, но к парадной. Во всяком случае, частотой орнаментации они заметно отличаются, к примеру, от прямостенных мисок. Отмечу, что использование широких полос лощения очень характерно для наиболее тщательно выполненных, также парадных кувшинов салтово-маяцкой культуры, а схема орнаментации одного из кувшинов Дмитриевского могильника – зигзаг из широких полос между двумя горизонтальными ложбинками [Плетнева 1989, рис. 71: катакомба 89] – повторяется на чаше из катакомбы № 174 (рис. 5,25). Кстати, данная чаша имеет и клеймо, что в совокупности с орнаментацией говорит о ее особом назначении (при публикации [Флеров 1979, таблица] я данное клеймо не учел).

Клейма на мисках и чашах должны привлекать особое внимание исследователей, так как они клеймились весьма редко. По моим подсчетам клеймо имели каждый четвертый кувшин или кружка, а среди мисок едва ли только десятая [Флеров 1979, с. 100]. Это данные в целом по салтово-маяцкой культуре.

6. Две почти однотипные миски (рис. 5,26,27) Дмитриевского могильника. Имеют едва намечающееся ребро на переходе от венчика к корпусу. Высота их 7,5 и 7,8 см, диаметр корпуса 18,4 и 19,8 см. Одна из них, происходящая из катакомбы № 171, имеет оригинальную, более мне пока не встречавшуюся орнаментацию внутренней поверхности – пролощенное пятно в центре дна, от которого расходятся пролощенные же линии-лучи. Композиция напоминает соляную, но это сходство может быть и случайным. Орнамент становился видимым при опорожнении сосуда в ходе трапезы.

На миске из катакомбы № 73 присутствует клеймо – небольшой крестик [данное клеймо не учтено С.А.Плетнёвой: Плетнева 1989, рис. 71].

7. Ещё один сосуд с мискообразным корпусом, что позволяет лишь формально причислить его к мискам. Наличие на нем носика-слива (такие сливы типичны для многих кувшинов этого же могильника) и ручки-петельки с выступом для упора большого пальца говорит о ином его назначении – для разлива жидкости по другим сосудам, может быть кружкам. Внутренний край венчика украшен косыми полосками, но корпус не орнаментирован (рис. 5,28). Данный сосуд для разлива также происходит из Дмитриевского могильника (катакомба № 116).

Дмитриевский могильник не только достаточно полно исследован, но и хорошо опубликован. Даны описание и, что особенно стоит подчеркнуть, рисунки всей столовой лощеной посуды (к сожалению, по условиям издательства изображения их миниатюрны и подчас схематичны). Мискам исследовательница могильника

С.А.Плетнёва смогла уделить всего несколько строк, которые стоит привести полностью, чтобы читателю были более ясны некоторые мои комментарии к ним. "Миски — нехарактерный вид глиняной посуды. Вероятно в хозяйстве преобладали деревянные миски, остатки которых обнаружены в катакомбах. Все шесть глиняных мисок (катакомбы 73, 108, 116, 118, 171, 174) представляют практически шесть типов, что свидетельствует об абсолютной нестандартности данного вида посуды, хотя все они, очевидно, подобны деревянным мискам. Орнаментация обычно очень простая. Она как бы имитирует срезы на деревянной посуде, выточенной на станке и затем местами подправленной рукой. Исключение представляет миска из катакомбы 171, внутренняя поверхность которой покрыта радиальным лощением, пересеченным концентрическими кругами" [Плетнева 1989, с. 136-137].

Во-первых, о нехарактерности. Я уже отмечал, что правильнее говорить о нехарактерности их для погребального обряда. Сами же миски были распространены в каганате повсеместно.

Во-вторых, о нестандартности. С этим согласиться нельзя совершенно. Просто в катакомбах оказались разные типы сосудов, а два со сливами (№№ 6 и 28) имели и несколько иное назначение. Все миски могильника имеют вполне типичные для салтово-маяцкой культуры формы. Мало того, сходные по форме миски известны в памятниках Первого Болгарского царства на Дунае [Станчева, Дончева-Петкова 1972, с. 26, рис. 12; Въжарова 1974, с. 19, рис. 6,з; Дончева-Петкова, 1970, с. 20, рис. 3,з].

О бытовании деревянной посуды я уже говорил. Оно не вызывает сомнений, особенно с открытиями разных ее форм А.Г.Николаенко на Нижне-Лубянском могильнике. Однако, пока ее слишком мало, чтобы судить о заимствовании форм между деревянной и глиняной посудой. Могу лишь отметить, что имитации технологии изготовления деревянных сосудов на известных мне мисках, в том числе Дмитриевских, нет. По характеру обработки поверхности миски ничем не отличаются от прочей лощеной посуды. Попутно отмечу и то, что и по всем прочим технологическим признакам они полностью вписываются в комплексе лощеных сосудов самого Дмитриевского могильника.

Наконец, случайностью можно объяснить почему С.А.Плетнёва упоминает орнаментацию только на миске из катакомбы 171 и не обратила внимание на эффектную и к тому же снабженную клеймом чашу из катакомбы 174.

7. Сосуды, которые известны, кажется, только по раскопкам Правобережного Цимлянского городища [Флеров 1994, с. 515, рис. 24,8,9]. Л.Дончева-Петкова, сравнивавшая керамику городища и Первого болгарского царства, не обнаружила аналогов и на Нижнем Дунае [Дончева-Петкова 1970, с. 173, рис. 2в]. Речь идет о больших и вместительных сосудах, которые только при самом расширительном толковании термина можно отнести к мискам. Приемлемое название для них подобрать трудно и только условно я буду называть их в данной публикации чашами (рис. 6,32-36). Размеры одной полностью реконструируемой чаши № 32: высота 15 см, диаметр корпуса 22,5 см. От всех прочих мисок и чаш данные отличает своеобразное строение венчика — прямой с небольшим наклоном внутрь или вертикальный. Судя по

имеющейся небольшой выбоке, верхняя часть корпуса у них орнаментировалась косой пролоченной сеткой между горизонтальными каннелюрами. В сочетании с хорошим лощением всей поверхности это делало их весьма нарядными. Наряду с упоминавшимися экземплярами Дмитриевского могильника они могут быть отнесены к парадным сосудам.

Должен обратить внимание: по размерам и пропорциям, по расположению и самому виду орнамента правобережные чаши имеют полное сходство с туловами широко распространенных салтово-маяцких одноручных кувшинов. Случайно ли это совпадение не знаю, но не заметить его нельзя. Напомню о сходстве чаши Дмитриевского могильника с туловом кувшина этого же памятника. Сходство с туловами кувшинов, во всяком случае, отражает определенные традиции в керамическом "сервизе" салтово-маяцкой культуры. Нельзя исключать обнаружение чаш правобережного типа и на других памятниках.

Формы мисок, к описанию которых мы переходим, тяготеют к южным районам каганата, в частности к восточному Приазовью, откуда они проникали и севернее, возможно в виде готовой продукции. При больших различиях все они имеют усложненную профилировку, в чем можно усмотреть традиции предшествующего времени.

8. Две близкие по форме миски Таманского городища с отогнутыми венчиками, резким перегибом корпуса и заметной тенденцией к узкодонности (рис. 5,29,30). Высота их 4,8 и 5,2 см, то есть они заметно ниже ранее описанных мисок и чаш. Диаметр тулова, однако, значителен — 15-16 см.

9. Два фрагмента мисок с каннелюрами под венчиком (рис. 7,37,38). Первый из моих сборов на р.Сарматка на севере Таганрогского залива Азовского моря. Второй из фондов Таганрогского музея, происходящий из с.Комаровка в окрестностях Таганрога (вероятно, сборы Н.Д.Праслова в 1960 г.).

10. Совершенно уникальна округлобокая миска, опоясанная двумя каннелюрами и снабженная кольцевым поддоном. Происходит она из землянки № 7 на подоле Салтовского городища (раскопки Д.Т.Березовца, 1961 г.). По всем технологическим признакам она полностью соответствует салтово-маяцкой гончарной традиции, но поддон в последней совершенно неизвестен. Мы явно имеем дело с мастерски выполненным заимствованием. Источником для него могла послужить краснолаковая керамика Тамани и Крыма VII-VIII вв. [Плетнева 1963, с. 32-37; Сазанов 1994]. Это единственный известный мне случай заимствования поддона в салтово-маяцкой столовой керамике вообще (рис. 7,39).

11. Миски со сложной профилировкой венчиков, представленные фрагментом с Правобережного Цимлянского городища и целым экземпляром из Саркела (рис. 7,40,41). Корпус с заметным ребром или перегибом, дно узкое. Прообразы этих мисок, особенно форм венчиков надо, скорее всего, также искать в краснолаковой посуде Причерноморья [Плетнева 1963, с. 428], для которой, однако, загнутость внутрь венчика не совсем характерна. В этом надо видеть либо проявление самой салтовской традиции, либо сероглиняной керамики поднесарматских памятников.

Очень интересно, что чуждый салтово-маяцким венчик миски Саркела украшен

типичным для этой культуры штампованным орнаментом. Но (!) не для столовой лощеной посуды, а для горшков и котлов с внутренними ручками.

12. С Правобережного Цимлянского городища происходит еще один фрагмент широкой, диаметр 28 см, узкодонной миски, прообраз которой можно искать в керамике I-III вв. Нижнего Дона [Косыненко 1989, с. 24-30]. Однако, от мисок позднесарматского времени, в частности нижнедонского Кобякова городища, миску Правобережного отличает более простой профиль венчика (рис. 7,42).

Более вероятно искать исторические аналоги в керамике первых веков н. э. среди мисок с узким дном и загнутым венчиком в другом регионе, а именно на Северном Кавказе [Абрамова 1993, рис. 55,1-4; 64,1].

13. Совершенно неожиданным для меня было обнаружение среди керамики поселения у рва Салтовского городища фрагментов двух сероглиняных, но нелощенных блюд большого диаметра (40 и 38 см). Размеры, профиль венчика и намечающаяся форма этих сосудов (рис. 8,43,44) совершенно не свойственны традиции салтово-маяцкой лощеной керамики. К тому же на первом из них хорошо видны следы быстрого вращения. Оба фрагмента происходили из подъемного материала. Таким образом, принадлежность их к салтово-маяцкой культуре, даже в качестве привозной посуды, должна быть поставлена под сомнение, но происхождение с известного памятника заставило их упомянуть. Нельзя полностью исключить, что они все же являются импортом.

14. В ходе раскопок в Фанагории в 1970 г. в слоях примерно VIII в. я нашел три фрагмента венчиков двух небольших сосудиков (рис. 8,45,46) и одной миски или блюда с вертикальным заостренным венчиком (рис. 8,47). Относятся ли они к данному слою или происходят из перекопов, сказать трудно.

Подведем некоторые итоги и вновь коснемся вопроса о распространенности мисок-чаш-блюд.

В географическом отношении они представлены повсеместно от северных границ Хазарского каганата до низовий Дона, Азовского и Черного морей (рис. 1). Не рискуя ошибиться в прогнозе можно утверждать, что они будут обнаружены на всех поселениях при внимательном отношении к фрагментированной керамике. Мало того, миски удастся выделять даже в немногочисленном подъемном материале в ходе разведок. Так, пять местонахождений мисок из двенадцати мною картографированных установлены по небольшим сборам (поселения в Северном Приазовье: Балаганы, Еланчик, Комаровка, Латоново, Натальевка).

В погребальном инвентаре катакомб миски появлялись как исключение. Если не ошибаюсь, они не присущи и ямным могильникам, традиционно и вполне обоснованно связываемых с болгарами, а возможно и хазарами. В то же время постоянно следует помнить, что могильники никак не отражают место лощеных мисок в быту, как впрочем и всей лощеной посуды салтово-маяцкой культуры. Так, если в катакомбных могильниках лощеная посуда немногим не достигает 100%, то, например, на поселении, которому принадлежал Дмитриевский могильник, лощеной посуды всего 10% [Плетнева 1989, с. 61].

Наконец, при строгом подходе к вопросу о месте мисок в хозяйстве населения Хазарского каганата надо учитывать не только лощеные столовые экземпляры, но и выполненные в традициях кухонной посуды, то есть из иной по составу глиняной массы, иными приемами формовки, с другими элементами орнаментации.

Хочу предостеречь от преждевременного привлечения мисок к решению этнических проблем. В технологическом отношении лощеные миски безусловно тяготеют ко всему комплексу лощеной посуды, который определяет облик (наряду с другими элементами) погребального инвентаря лесостепного варианта культуры как аланский (точка зрения Г.Е.Афанасьева о соотношении его с буртасами более чем спорна), но как видно даже из немногих приводимых здесь данных миски бытовали и в южных регионах, где катакомбные могильники неизвестны.

Каково истинное место мисок в сервисе салтово-маяцкой культуры покажет будущее. К ведущим формам керамики их, конечно, нельзя отнести, хотя их было гораздо больше, чем казалось до сих пор. Количество мисок по сравнению с иными видами посуды я бы назвал сегодня ограниченным. Сказались, вероятно, не только традиции и предпочтения, но и гончарная техника, на что ни один из исследователей не обращал внимание. В каганате господствовали ручной гончарный круг и поворотный столик. Для изготовления же мисок требовалась весьма большая скорость вращения, причем чем более узкодонная и широкая требовалась миска и чем более пологи ее стенки, тем большая требовалась скорость вращения. Именно миски и блюда являются самыми сложными в изготовлении керамическими изделиями [Пешерева 1959, с. 299]. Не все гончары в каганате освоили эту продукцию. Вероятно, техническая сложность также тормозила их распространение. И, быть может, этим объясняется появление чаш, напоминающих более простые в изготовлении тулова кувшинов.

КУБЫШКИ. Название условное, ассоциативно некоторым формам русской керамики. О назначении этих маленьких сосудиков можно лишь догадываться. Судя по небольшой вместимости их весьма условно можно отнести к "десертной" посуде. В них могли храниться и подаваться к трапезе пряности и иные пищевые добавки, корочке, продукты, потреблявшиеся в небольших объемах. Возможно и иное назначение: для хранения женщинами украшений, в том числе бус, мазей. Пригодны они для хранения лекарственных средств. Стоит напомнить, что стеклянные сосуды — чрезвычайно редкая находка в салтово-маяцких памятниках. Целям, для которых стеклянные сосуды служили в той же Византии, в Хазарии могли служить маленькие сосуды типа кубышек. Так что, указанное использование кубышек вполне вероятно. С дальнейшими раскопками могильников возможно удастся установить, связаны ли они преимущественно с бытом женщины. Какие-то сосудики могли предназначаться и детям. Не стоит забывать и о такой категории населения как знахари, шаманы, "жречество".

О степени распространенности кубышек говорить очень трудно. В катакомбных могильниках их, в сравнении с кувшинами и кружками, очень мало, но это свидетельствует лишь о их незначительном месте в погребальной обрядности. Реальную картину могли бы дать, как и в случае с мисками, поселения, но выделить в

массе фрагментированной керамики кубышки чрезвычайно сложно. По силуэту венчики кубышек бывает очень трудно отличить от венчиков горшков, горшков с ручками, кувшинов, кружек и тех же мисок-чаш. Еще труднее с фрагментами донец, которые, в частности, почти невозможно отличить от фрагментированных донец кружек особенно, а также других форм лощеной и нелощеной посуды. Я рекомендую при поисках фрагментов кубышек обращать внимание на особенности оформления поверхности их стенок (см. например рис. 9,6, 10) и сочетания профилей и диаметров стенок с орнаментацией.

Кубышки – один из наименее описанных видов лощеной посуды салтово-маяцкой культуры. Опубликованы среди них единицы, иногда и в популярной литературе [Шрамко 1962, с. 274, рис. 106,4; Писларий, Филатов 1972, с. 117].

Предлагаемая подборка при всей ее не многочисленности является первой, как и построенная на ее основе предварительная классификация. Используемый термин “тип” надо воспринимать не более как служебный.

При значительном разнообразии морфология их достаточно устойчива. Размеры невелики: от 6 до 14 см. В пропорциях выделяются следующие, общие почти для всех кубышек нормы: 1) диаметр тулова превышает общую высоту сосуда, 2) наибольший диаметр тулова приходится на нижнюю треть, реже на середину высоты сосуда, 3) диаметр дна больше наиболее узкой части горловины (исключение – типы IV и V). В подавляющем большинстве случаев диаметр дна и диаметр венчика превышают радиус наиболее широкой части тулова.

В моем распоряжении менее тридцати экземпляров кубышек, происходивших из восьми памятников. В качестве опыта для их описания введены четыре пропорции: Н:Дт, Н:Нд, Дт:Дд, Дт:Дг (Н – высота сосуда, Нд – высота от основания до уровня наибольшего диаметра тулова, Дг – диаметр наиболее узкой части горловины, Дт – диаметр тулова, Дд – диаметр дна). Только для описания кубышки с морфологически выделенным горлом (тип X) введен дополнительный показатель Нт – высота тулова.

В основу формального порядкового расположения типов положено уменьшение соотношения Н:Дт, то есть от наиболее приземистых к наиболее удлиненным формам. Подчеркиваю, речь идет только о формальной очередности. Она никак не отражает ни хронологию, ни трансформацию форм и взаимовстречаемость типов. Соотношение Н:Дт у некоторых типов может совпадать, но при этом разнятся иные соотношения. Дело в том, что ни одно из соотношений взятое в отдельности тип не характеризует. Тип характеризует только их совокупность.

Предложенная система не идеальна, как и любая другая, но вполне оправдала себя для имеющегося количества кубышек.

Тип I включает две кубышки, в т.ч. одна из Дмитриевского могильника, наиболее приземистые из учтенных. Пропорции: Н:Дт=1:1,60-66; Н:Нд=1:0,21-31; Дт:Дд=1:0,62-79; Дт:Дг=1:0,45-55. Для обоих сосудов характерно присутствие пролощенного орнамента и каннелюр. Сформованы на ручном круге. На дне одного сосуда клеймо – крест с ромбами в центре и на концах (рис. 9,1-2).

Тип II (рис. 9,3-5). Наряду с типом IV включает самые маленькие экземпляры.

Так высота кубышки городища Маяки 6,2 см. Пропорции: Н:Дт=1:1,52-58; Н:Нд=1:0,25-41; Дт:Дд=1:0,62-79; Дт:Дг=1:0,56-66. Один сосуд с клеймом, аналогичному известным на кувшинах и кружках. Вероятен ручной круг.

Тип III представлен одним сосудом Салтовского могильника (рис. 9,6, хранится в Донецком университете, обстоятельства находки выяснить не удалось). Узкогорлая кубышка высотой 9 см. Пропорции: Н:Дт=1:1,50; Н:Нд=1:0,39; Дт:Дд=1:0,59; Дт:Дг=1:0,37. Среди прочих выделяется непролощенной поверхностью и серией близко расположенных каннелюр на тулове. Отсутствие лощения может быть объяснено насыщенностью глины песком, крупинцы которого выступают на поверхности массой мелких бугорков.

Тип IV (рис. 9,7-9). Кубышки с округлым профилем тулова. Характерный их признак – меньший диаметр дна в сравнении с диаметром венчика. Эта черта и у кубышки типа V, но последняя имеет совершенно иную форму. Размеры колеблются в значительных пределах: высота 6-10,2 см, диаметр тулова 8-13 см. Пропорции: Н:Дт=1:1,27-40; Н:Нд=1:0,30-34; Дт:Дд=1:0,49-56; Дт:Дг=1:0,57-63. Кубышка из Саркела ранее была опубликована [Плетнева 1959, с. 219, рис. 7,5]. Клеймо на кубышке из Салтова (рис. 9,8) принадлежит к числу редких для салтово-маяцкой керамики, но известен данный знак – трехлучевая фигура – на иных материалах, в частности на блоках Маяцкого городища среди знаков строителей [Флерова (Нахапетян) 1997, с. 109, табл. IV].

Тип V представлен одним сосудом из района с. Сердюково Харьковской области (рис. 9,10). Отличается мешковидной формой и отогнутым венчиком. Яркая особенность – каннелюры на верхней половине тулова. Сформован на ручном круге, лощение тусклое. Пропорции: Н:Дт=1:1,24; Н:Нд=1:0,23; Дт:Дд=1:0,42; Дт:Дг=1:0,53.

Тип VI. Две весьма схожие по конфигурации тулова, но с различными венчиками кубышки городища Маяки и Дмитриевского могильника (рис. 10,11-12). Экземпляр Маяков красно-бурый, сформован из грубой глины с песком. Интересно, что мастер не рассчитал необходимый для него объем глины и был вынужден добавить ее для завершения венчика. Хорошо прослеживается стык между двумя массами глины. Пропорции обеих кубышек очень близки: Н:Дт=1:1,23-33; Н:Нд=1:0,22-29; Дт:Дд=1:0,63-75; Дт:Дг=1:0,44-45. Клеймо на кубышке Дмитриевского могильника (к сожалению, в своей публикации клейм [Флеров 1979, таблица] я его не поместил) принадлежит к числу известных типов. Такие же есть на кувшинах и кружках этого могильника.

Тип VII (рис. 10,13-16; 11,17-19) включает самые распространенные формы – шаровидные и с округлыми туловами. Представлен серией сосудов бассейна Северского Донца. По мере дальнейшего накопления аналогичных форм данный тип (его условно можно назвать сборным) безусловно должен будет распастись на отдельные типы и подтипы. Предсказать дальнейшее развитие их классификации пока трудно, большинство их орнаментировано и имеет горизонтальные каннелюры. На трех экземплярах клейма. Это неоднократно встречающийся и на кувшинах и кружках Дмитриевского и других могильников крест (рис. 10,15). На кубышке из катакомбы

№ 148 Дмитриевского могильника от клейма осталась только окружность. Кубышка эта сохранилась наполовину, поверхность облупилась (рис. 10,14). Вероятно поэтому С.А.Плетнёва не обратила внимание ни на эти следы клейма, ни на сетчатый орнамент на тулове [Плетнёва 1967, с. 130, рис. 74, катакомба 148]. Редким является клеймо прекрасно залощенной кубышки В.-Салтовского могильника, повторяющее орнаментацию зеркал (рис. 10,16). К данной серии следует отнести и кубышки из погребений №№ 9 и 25 Волоконовского ямного могильника из Белгородской области, раскопки А.Г.Николаенко [Плетнёва, Николаенко 1976, с. 287, рис. 7,1,5]. Пропорции: Н:Дт=1:1,00-35; Н:Нд=1:0,30-48; Дт:Дд=1:0,63-77; Дт:Дг=1:0,56-67.

Тип VIII заслуживает особого внимания, главная его особенность и в то же время отличие от прочих типов кубышек – наличие морфологически выделенной горловины. В нашем распоряжении всего три экземпляра (рис. 11,20-22), но даже на них можно проследить эволюцию морфологии горловины. У кубышки № 20 из Маяцкого могильника она еще широкая и низкая. У кубышки № 21 Салтовского могильника она заметно сужается и становится выше. Наконец, у кубышки № 22 того же могильника она еще более узкая и соответственно выше. Последняя кубышка вообще приобрела форму небольшого кувшинчика, ей не хватает только носика-слива и ручки. Не думаю, что происходило сознательное придание кубышкам форм кувшинов. Просто была потребность и в кубышках данной формы. Они явно предназначались для жидкостей или сыпучей массы. Особенность формы потребовала для них, как уже говорилось, описания иных пропорций. Проследим их для каждого сосуда в отдельности:

№ 20 – Н:Дт=1:1,47; Нт:Дт=1:1,92; Нт:Нд=1:0,46; Дт:Дд=1:0,66; Дт:Дг=1:0,60;

№ 21 – Н:Дт=1:1,31; Нт:Дт=1:1,81; Нт:Нд=1:0,39; Дт:Дд=1:0,65; Дт:Дг=1:0,56;

№ 22 – Н:Дт=1:1,21; Нт:Дт=1:1,70; Нт:Нд=1:0,32; Дт:Дд=1:0,55; Дт:Дг=1:0,42.

Не трудно заметить, что в каждой пропорции в отдельности и в целом изменения происходят в одном направлении. Это, во-первых, подтверждает правильность выбора пропорций для сравнения сосудов. Во-вторых, подтверждает указанную эволюцию горловины от широкой и низкой к узкой и высокой. Говоря об эволюции, я имею в виду только морфологическую, но отнюдь не хронологическую.

Сходство морфологическое совпадает с единообразием орнаментации, главный элемент которой – каннелюры, подчеркивающие диаметры тулова и основание горловины.

Кубышка из Маяцкого могильника [публиковалась ранее: Флеров 1993, с. 141, рис. 64] имела клеймо – круг с шестью спицами. Попутно укажу, что кружка найденная с данной кубышкой в одной тризне, имела очень близкий рисунок клейма [там же].

В предложенном обзоре учтены, разумеется, не все известные формы кубышек, тем более не все известные экземпляры. Так, к кубышкам, видимо, относится сосудик из Саркела с широким и высоким горлом [Плетнёва 1959, с. 219, рис. 7,4]. Как по наличию горловины, так и по орнаментации он близок типу VIII, но его отличают иные пропорции тулова.

Необычна форма красно-бурого плохо залощенного сосудика высотой 10 см из

хазарского слоя Саркела [Плетнёва 1959, с. 219, рис. 7,2]. Диаметр его дна меньше диаметра венчика, что не характерно для салтово-маяцких кубышек. Необычен и наклон горловины к середине сосуда. Не свойственно и украшение ее вертикальными пролощенными линиями. Наконец, на кубышках совершенно неизвестны валики в основании горла (на указанном рисунке С.А.Плетнёва его не воспроизвела). Данная кубышка очень отдаленно напоминает сосуды вольтинцевского типа. Так ли это, сказать трудно. Истоки его формы и декора не ясны.

О географическом распространении кубышек говорить пока трудно. Большинство известных местонахождений сосредоточено в бассейне Северского Донца от Дмитриевского и Волоконовского могильников на севере до Станично-Луганского на юге. К ним примыкает и Маяцкий могильник на р.Тихая Сосна – притоке среднего Дона. Не вызывает сомнений их связь с ареалом катакомбных могильников (Салтовский, Дмитриевский, Маяцкий). Менее находок из степной зоны, что возможно связано и с упоминавшейся сложностью в опознании фрагментов кубышек. Как бы то ни было, вопрос о степени распространенности кубышек на Нижнем Дону и в Приазовье надо оставить открытым еще на многие годы вперед. На Нижнем Дону относительно большие раскопки прошли только на Крымском могильнике в устье Северского Донца. Е.И.Савченко, исследователь могильника, относит к кубышкам 1,5% найденных сосудов, однако, речь идет всего лишь об одном сосуде [Савченко 1986, с. 77, 83]. Судя по рисунку [там же, с. 81, рис. 6,1], это сосуд с высоким и широким горлом, к которому принятое понятие о “кубышке” не подходит. Стоит вспомнить, что Б.А.Шрамко удачно, хотя описательно, назвал кубышку “бомбовидным” сосудом [Шрамко 1962, с. 274, рис. 106]. Вообще, как указанный сосудик, названный Е.И.Савченко кубышкой, так и другие своеобразные формы лощеной керамики могильника заставляют подумать о номенклатуре салтово-маяцкой керамики. Используемых терминов уже явно не хватает.

Пользуясь случаем, отмечу, что Е.И.Савченко, видимо, прав, намечая в качестве нижней даты Крымского могильника середину VIII в. Об этом свидетельствует и наличие здесь лепной керамики и кувшина с ручкой приподнятой над срезом горловины [Савченко 1986, с. 80, рис. 5,7]. Такие кувшины относятся к самым ранним в салтово-маяцкой культуре [Флеров 1981].

Не так давно В.Б.Ковалевская с присущей этому автору категоричностью поставила вопрос о связи кубышек с праболгарским этносом. Сделано это на материалах могильника Чир-Юрт в Дагестане в статье с соответствующим названием [Ковалевская 1981]. Эта статья требует тщательного критического разбора в целом, что не соответствует теме данной публикации. Поэтому остановимся только на кубышках, к которым можно отнести выделенные ею типы II и III. Во-первых, отметим, что этническая атрибуция самого могильника не ясна, что отметила и автор. Формы погребальных сооружений здесь различны и прямых аналогий на памятниках салтово-маяцкой культуры не имеют. Во-вторых, приведенные В.Б.Ковалевской аналогии, которыми она связывает кубышки “с памятниками болгар”, говорят о противоположном, т.е. об отсутствии связи с упомянутыми памятниками по форме

кубышек. Упоминание могильника Зливки произведено без ссылки на издания или конкретные сосуды. Могильник Нетайловский с упоминанием неизданных материалов Д.Т.Березовца. Насколько мне известно, на могильнике Зливки аналогий кубышкам могильника Чир-Юрт нет.

Что касается Больше-Тарханского могильника, то на указанных Ковалевской таблицах в книге А.Х.Халикова и В.Ф.Генинга приведены формы сосудов, не имеющие с чир-юртовскими кубышками ничего общего [Генинг, Халиков 1964, табл. II, 1-10, 12; IV; VII]. То же следует сказать и в отношении могильника Нови-Пазар.

Использовать кубышки в качестве этнического определителя праболгар нельзя и сегодня. Даже по той причине, что значительное их число найдено в могильниках катакомбных, а связь кубышек с ямными могильниками бассейна Дона просто неизвестна, можно указывать лишь на отдельные случаи (например, Волоконовский могильник). Не оказалось кубышек чир-юртовских типов и в Крымском могильнике.

Картографирование кубышек (рис. 1) отражает не их истинное распространение, а географию исследованных могильников. И все же о более вероятной связи кубышек, не с болгарским, а с аланским этносом бассейна Дона ставить вопрос можно. В качестве аргументов можно привести весь технологический процесс изготовления (состав глины, медленное вращение при формовке, способы лощения) и виды орнаментации. В совокупности они те же, что и у многочисленных салтово-маяцких кувшинов, кружек и других видов столовой, парадной посуды.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. - IV в.н.э.). М., 1993.
- Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону // ИГАИМК. Л., 1935. Вып. 131.
- Въжарова Ж. Селища и некрополи (края на VI-XI вв.) // Археология. София, 1974. Кн. 3.
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.
- Дончева-Петкова Д. Трапезната керамика в България, през VIII-XI вв. // Археология. София, 1970. Кн. 1.
- Дончева-Петкова Д. Сравнителен анализ между керамиката от Деснобрежното Цимлянско градище и България // Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1991. 2.
- Ковалевская В.Б. Археологические следы пребывания древних болгар на Северном Кавказе // Плиска-Преслав. София, 1981. 2.
- Косяненко В.М. Хронология сероглиняной керамики некрополя Кобякова городища (раскопки 1956-1962 гг.) // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону, 1989. Вып. 6.
- Красильников К.И. Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры // СА. 1976. № 3.
- Ляпушкин И.И. Средневековое поселение близ ст.Суворовской // МИА. 1958. № 62.
- Николаенко А.Г. Северо-западная Хазария или Донская Русь? // Волоконовка (Белгородская обл.), 1991.
- Пешерева Е.И. Гончарное производство Средней Азии // Труды института этнографии им. Н.Миклухо-Маклая. М.-Л., 1959. Новая серия, т. XIII.
- Писларий И.А., Филатов Л.А. Тайны степных курганов. Донецк, 1972.
- Плетнёва С.А. Керамика Саркела-Белой Вежи // МИА. 1959. № 75.
- Плетнёва С.А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
- Плетнёва С.А. От кочевий к городам. М., 1967.

- Плетнёва С.А. На славяно-хазарском пограничье. М., 1989.
- Плетнёва С.А., Николаенко А.Г. Волоконовский древнеболгарский могильник // СА. 1976. № 3.
- Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
- Савченко Е.И. Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. М., 1986. Выпуск 2.
- Станчева М., Дончева-Петкова Л. Средневековна битова керамика от Ескуе при с.Гитен // Археология. София, 1972. Кн. 1.
- Флёров В.С. Четырехлистник в орнаментации салтово-маяцкой керамики // СА. 1976. № 1.
- Флёров В.С. О клеймах салтово-маяцкой лощеной керамики // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.
- Флёров В.С. Лощеная керамика салтово-маяцкой культуры как исторический источник. Автореф. канд. дисс. М., 1981.
- Флёров В.С. Распространение лощеной керамики на территории салтово-маяцкой культуры // Плиска-Преслав. София, 1981а. Т.2.
- Флёров В.С. О хронологии салтово-маяцкой культуры // Проблемы хронологии памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983.
- Флёров В.С. Орнаменты салтово-маяцкой лощеной керамики // Из истории области. Пенза, 1990. Вып. II.
- Флёров В.С. Потребительские обряды на севере Хазарии. Волгоград, 1993.
- Флёров В.С. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок в 1987-1988, 1990 гг. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
- Флёров В.С., Косяненко В.М. Салтово-маяцкие деревянные сосуды с Нижнего Дона // СА. 1980. №4.
- Флёрова (Нахапетян) В.Е. Граффити Хазарии. М., 1997.
- Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.
- Flerov V.S. Einige Arten der polirten Keramik der Saltovo-Majki Kultur // Die Keramik der Saltovo-Majki Kultur und ihrer Varianten. Budapest, 1990. Varia Archeologica III.

FLEOROV V. S.

BURNISHED BOWLS (MISKI), DISHES, CHALICES AND KUBYSHKI OF KHAZAR KAGHANATE

Summary

The first publication about still not numerous vessels of Saltovo-Majak Culture known as bowls (miski) and kubyshki. The author calls some forms of bowls (miski) as chalices, goblets and dishes.

Bowls were seldom used as burial inventory. The majority of found miski were connected with settlements. Bowls are known on the whole territory of Khazar Kaganate, many of them were found in the settlements of the North-Eastern Azov region.

Kubyshki are mainly found in catacomb grave cemeteries in the basin of the Severny Donetz River (Verkhne-Saltovskiy, Dmitrievskiy, Stanichno-Luganskyy), but they are also in pit grave cemeteries. The author gives preliminary typology of bowls and kubyshki.

The author rejects the attempt of Kovalevsky V. B. to consider kubyshki as an archaeological feature of pro-Bulgarians. They, as well as miski, are closer to Alanic variant of Saltovo-Majak Culture in all technological features and ornamentation.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

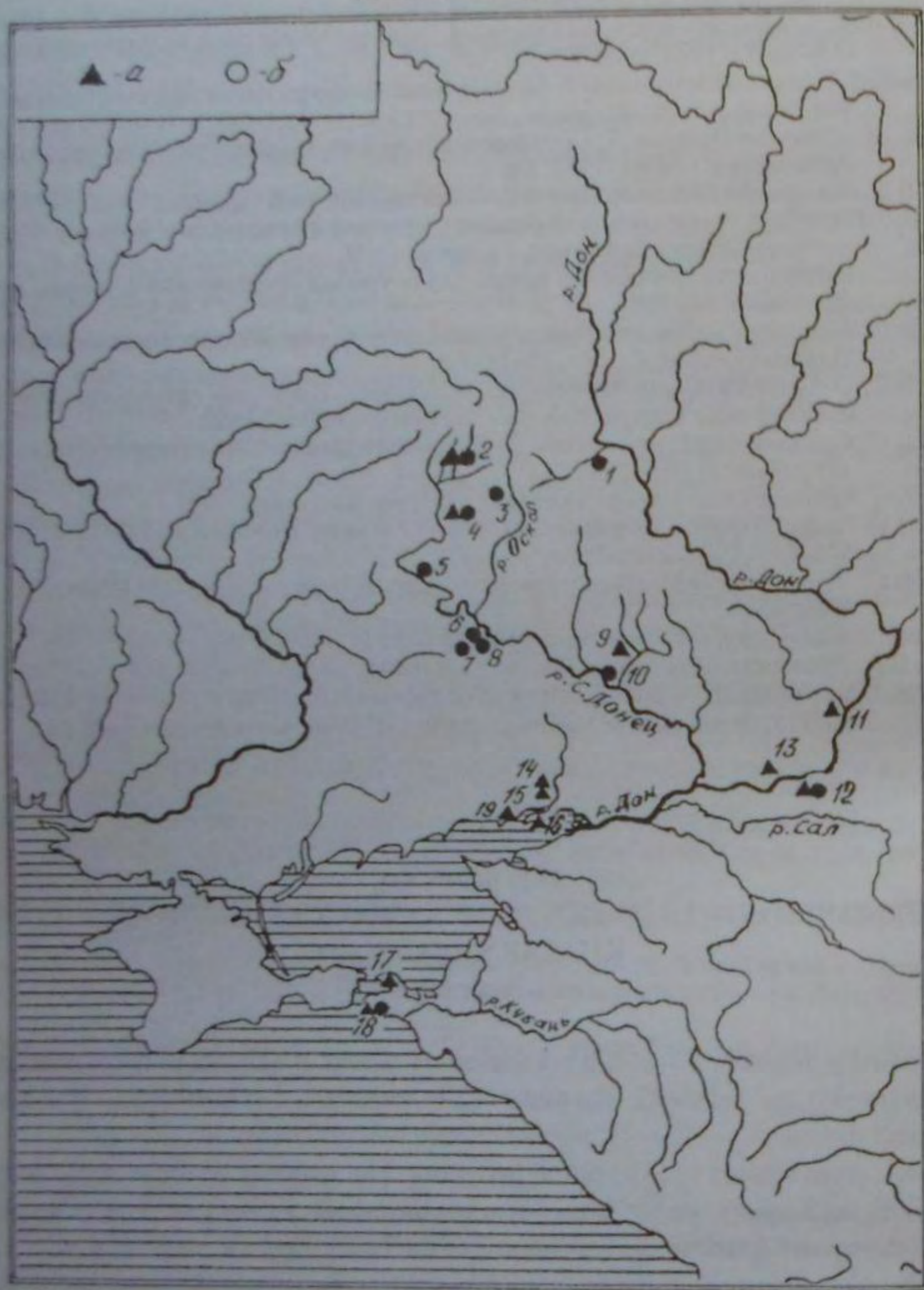

Рис. 1. Местонахождения салтово-маяцких лощёных мисок и кубышек.
 1 – Маяцкий могильник; 2 – Дмитриевский могильник; 3 – Волоконовский могильник;
 4 – Верхнее Салтово, городище и могильник; 5 – Сердюково; 6 – Маяки, городище и
 могильник; 7 – Плоское; 8 – Райгородок, могильник; 9 – Подгаевка, поселение; 10 –
 Станично-Луганская, могильник; 11 – Суворовское поселение; 12 – Саркел, городище;
 13 – Правобережное Цимлянское городище; 14 – Латоново, поселение; 15 – Балаганы,
 поселение; 16 – Комаровка, поселение; 17 – Фанагория, городище; 18 – Таманское
 городище; 19 – Натальевка, поселение. Условные знаки: а – миски, б – кубышки.

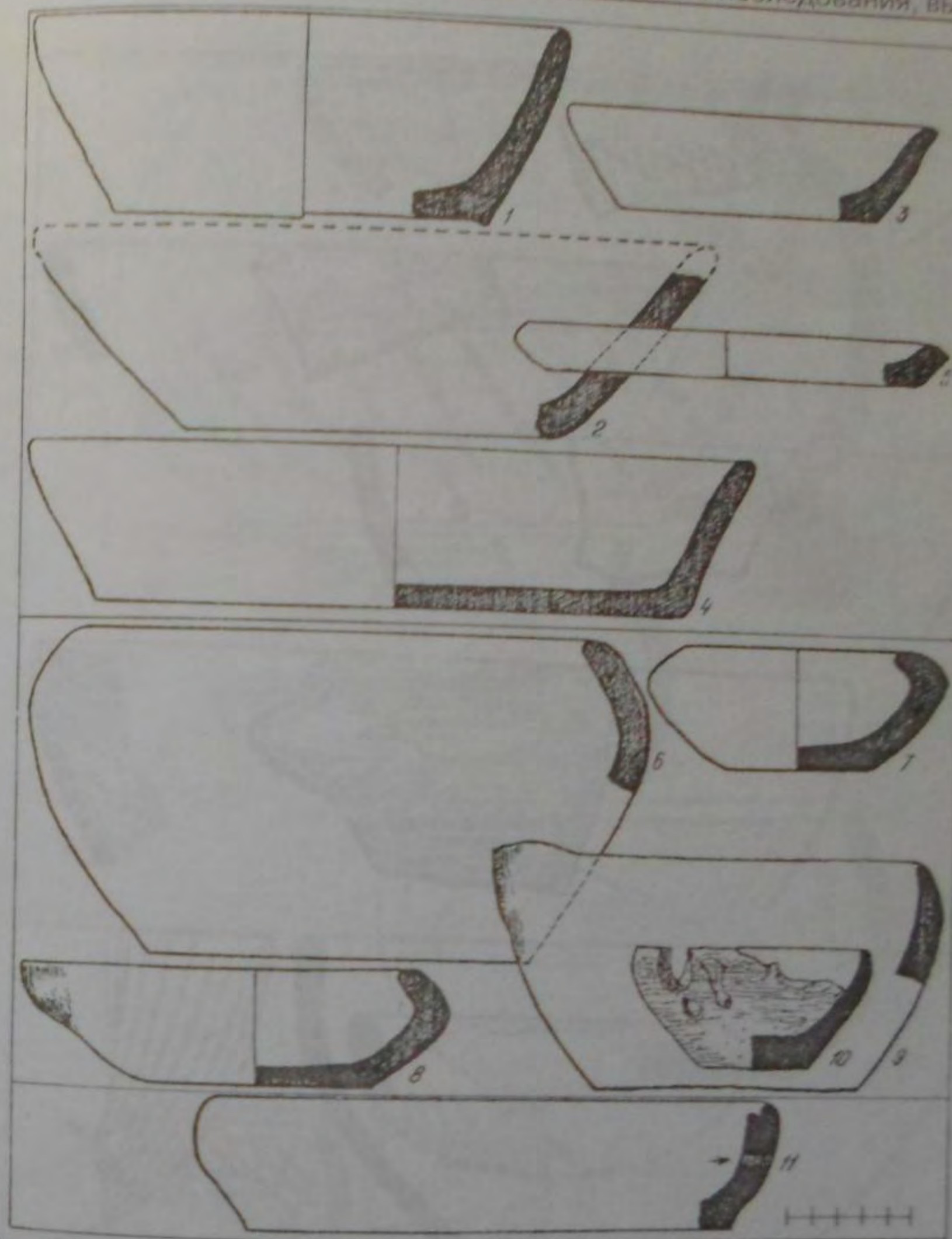

Рис. 2. Миски.
 1, 2 – Подгаевка, 1973, К.И.Красильников; 3 – Балаганы, сборы 1972, В.С.Флёров,
 Таганрогский музей; 4 – Таманское городище; 5 – Фанагория, 1970, В.С.Флёров,
 Таганрогский музей; 6-8 – Саркел, Гос. Эрмитаж; 9 – Дмитриевский могильник, кат.
 118, 1970, С.А.Плетнёва; 10 – Правобережное Цимлянское городище, 1987-1990,
 В.С.Флёров; 11 – Фанагория, 1970, В.С.Флёров, Таганрогский музей.
 Примечание: После названия памятника указываются при наличии информации год
 исследования, автор, место хранения.

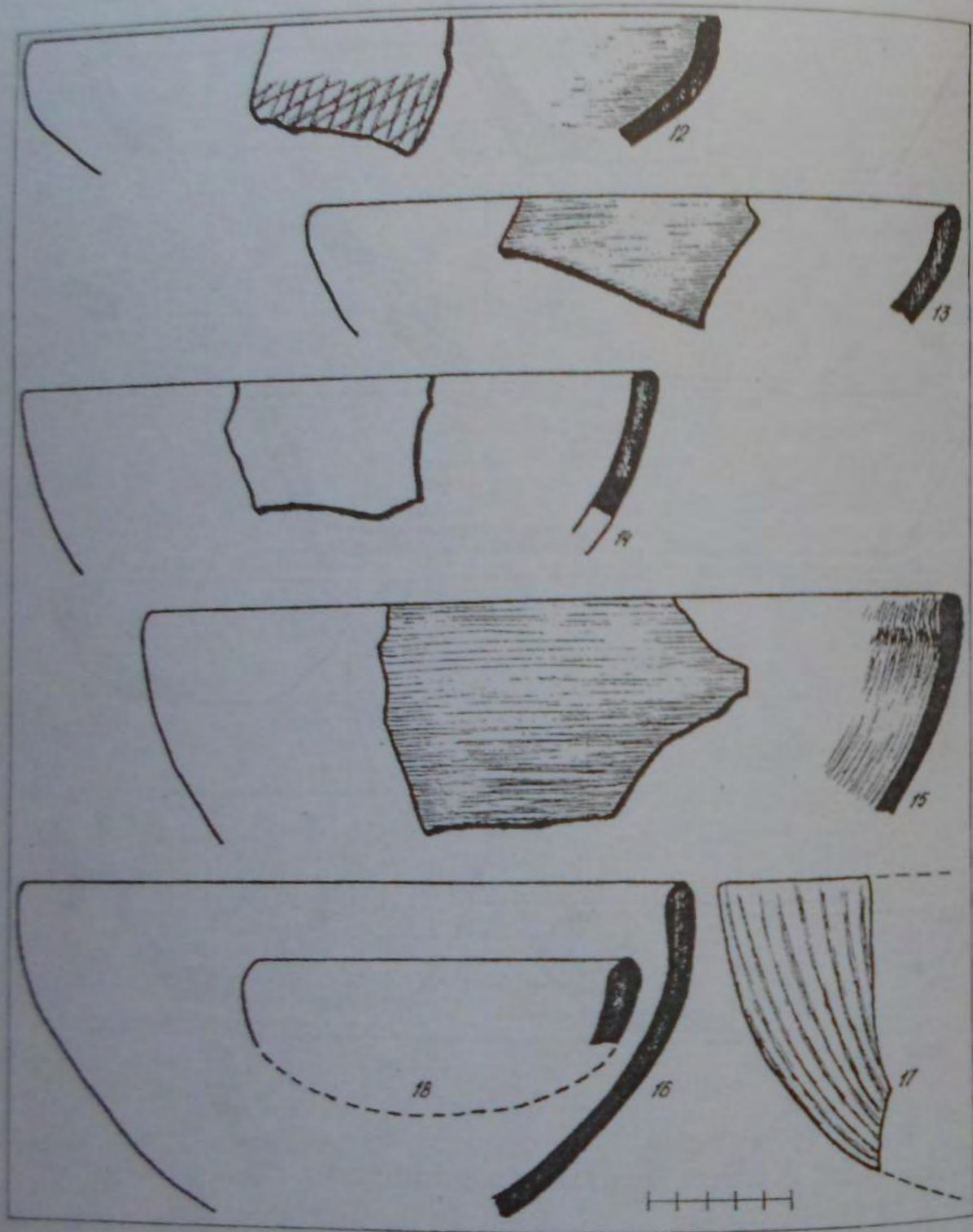

Рис. 3. Миски.
12-15 – Подгаевка, 1973, К.И.Красильников; 16 – Фанагория, 1954; 17 – Суворовское;
18 – Еланчик, 1970, В.С.Флёров, Таганрогский музей.

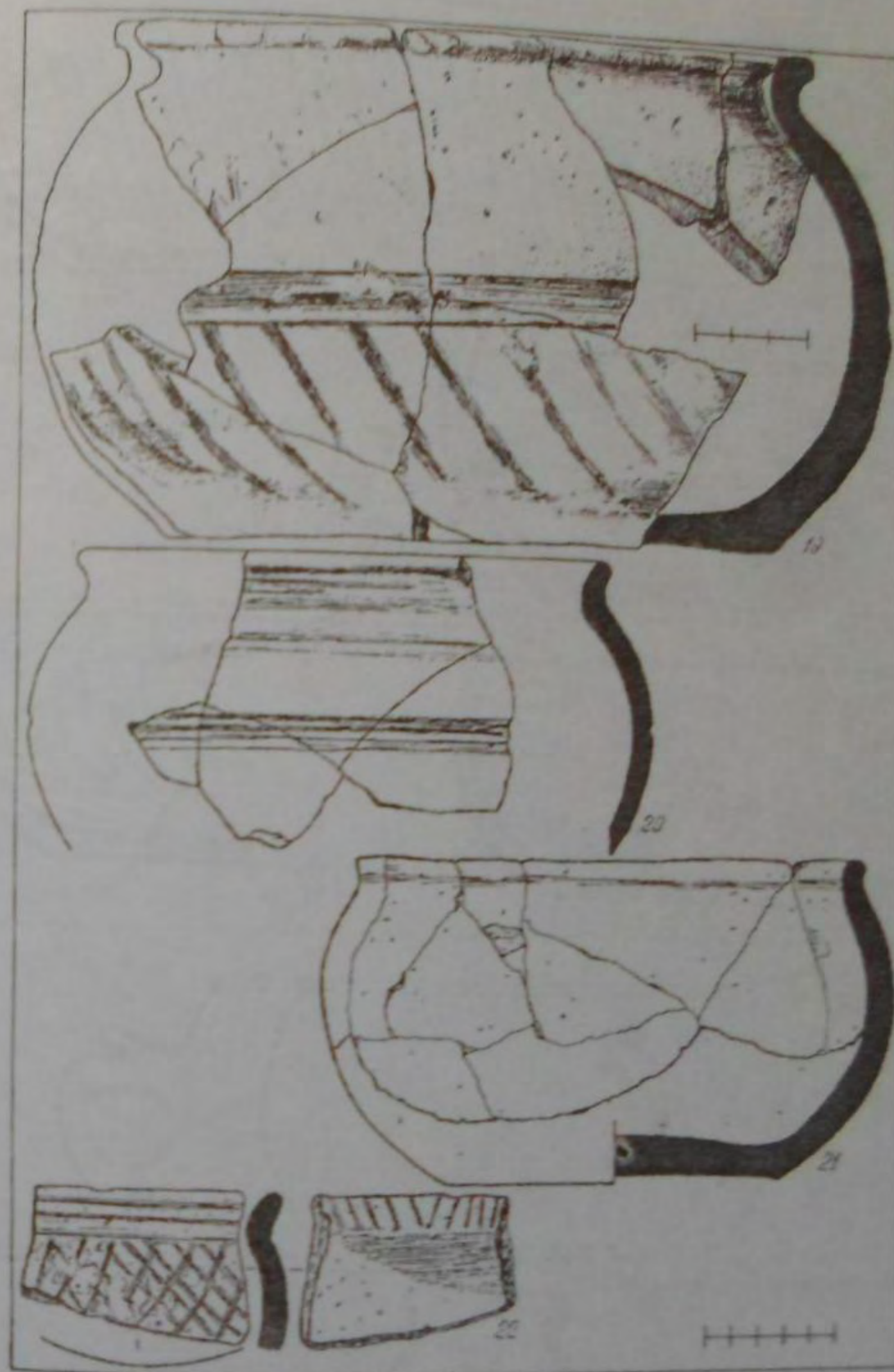

Рис. 4. Чаши Правобережного Цимлянского городища.
Раскопки В.С.Флёрова, 1987-1990, Гос. Исторический музей (Москва).

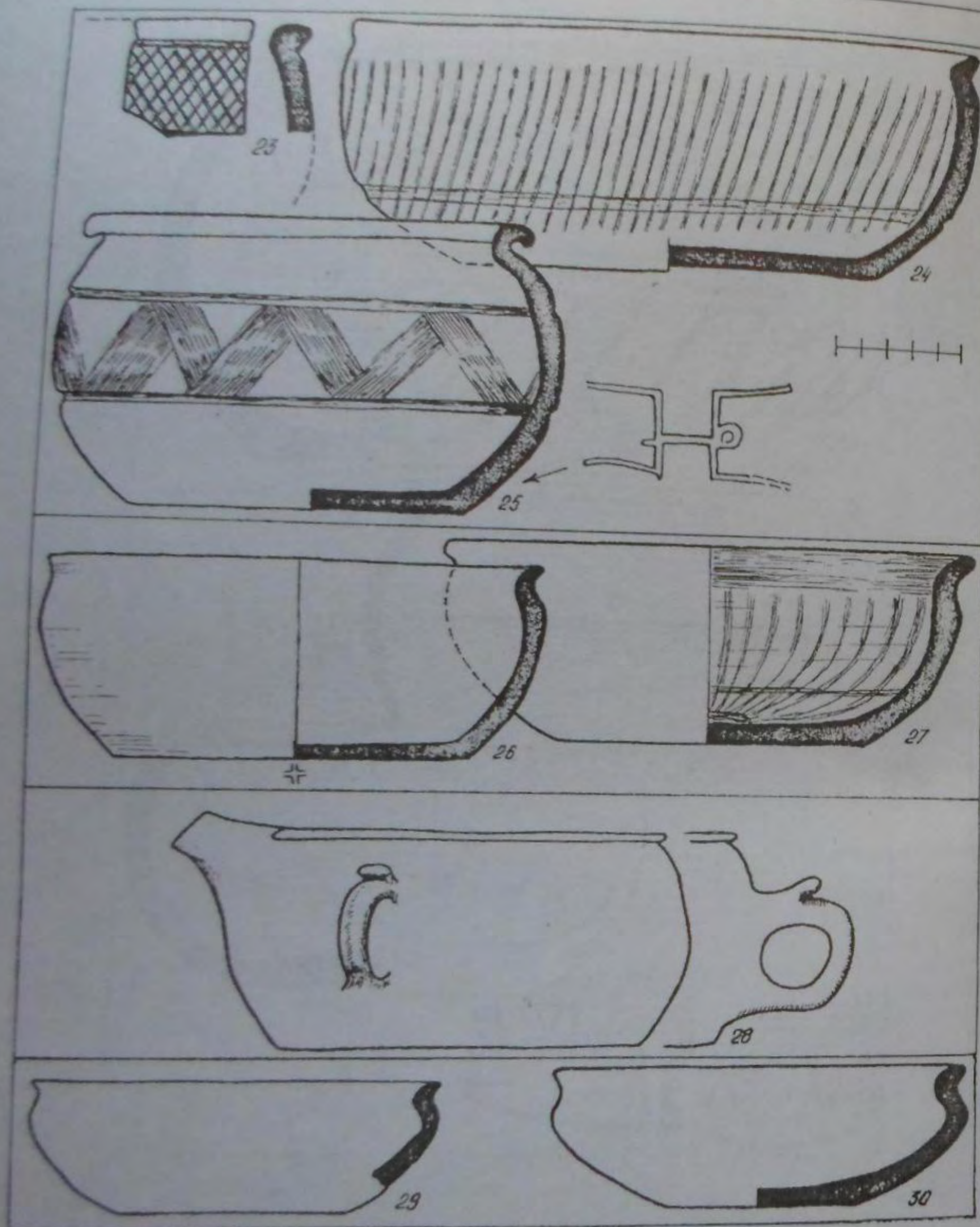

Рис. 5. Чаши, миски.
 23 – Натальевка, 1970, В.С.Флёров, Таганрогский музей; 24 – Суворовское, 1951, И.И.Ляпушкин; 25 – Дмитриевский могильник, кат. 174, С.А.Плетнёва; 26 – там же, кат.73; 27 – там же, кат.171; 28 – там же, кат.116; 29-30 – Таманское городище.

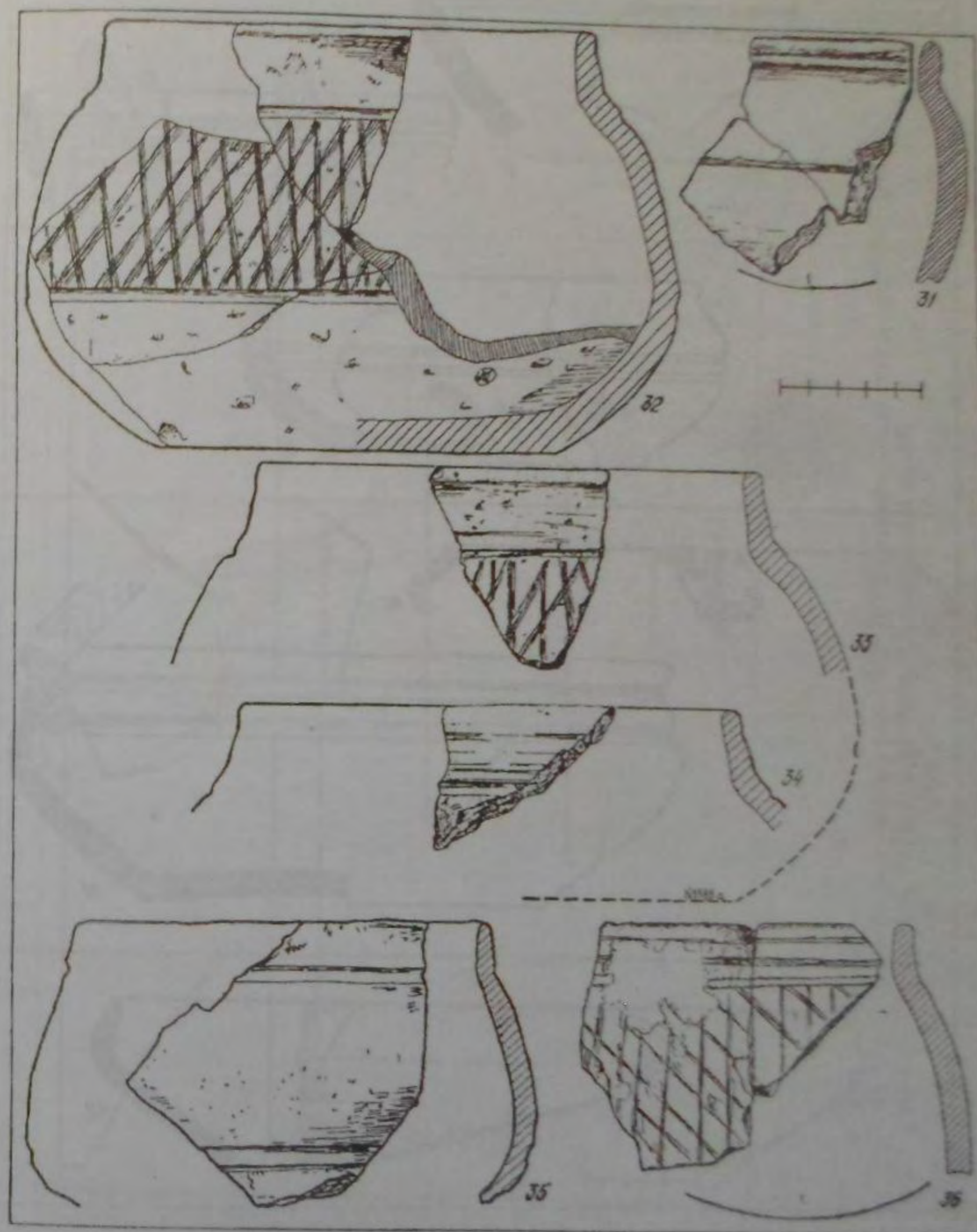

Рис. 6. Чаши Правобережного Цимлянского городища.
 Раскопки В.С.Флёрова, 1987-1990, Гос. Исторический музей (Москва).

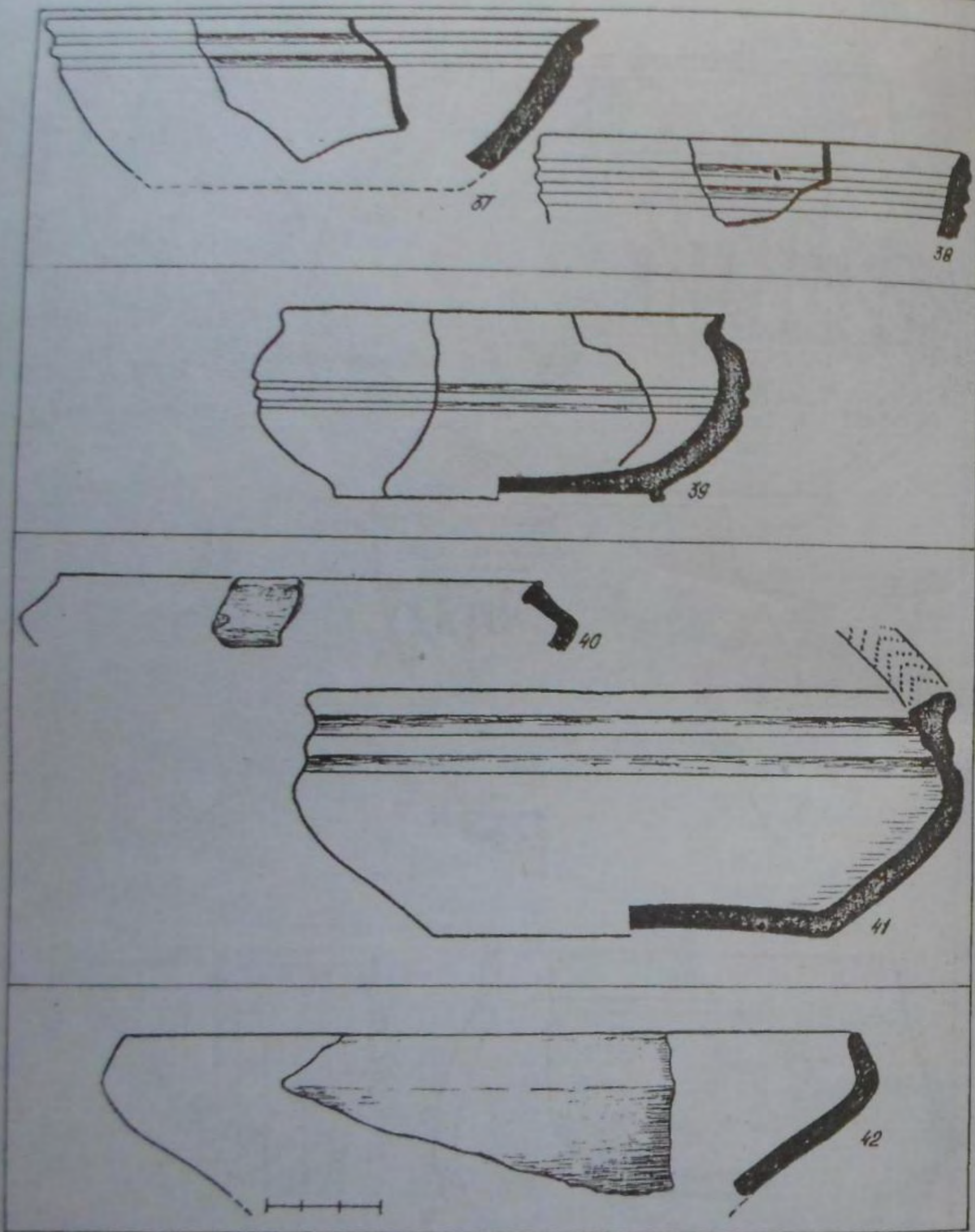

Рис. 7. Миски.
37 – Латоново, 1972, В.С.Флёров, Таганрогский музей; 38 – Комаровка, 1960, фонды Таганрогского музея; 39 – В.Салтово, подол, землянка №7, 1961, Д.Т.Березовец, Институт археологии (Киев); 40 – Правобережное Цимлянское городище, 1987-1990; 41 – Саркел, 1951, Гос. Эрмитаж; 42 – Правобережное Цимлянское городище, 1987-1990.

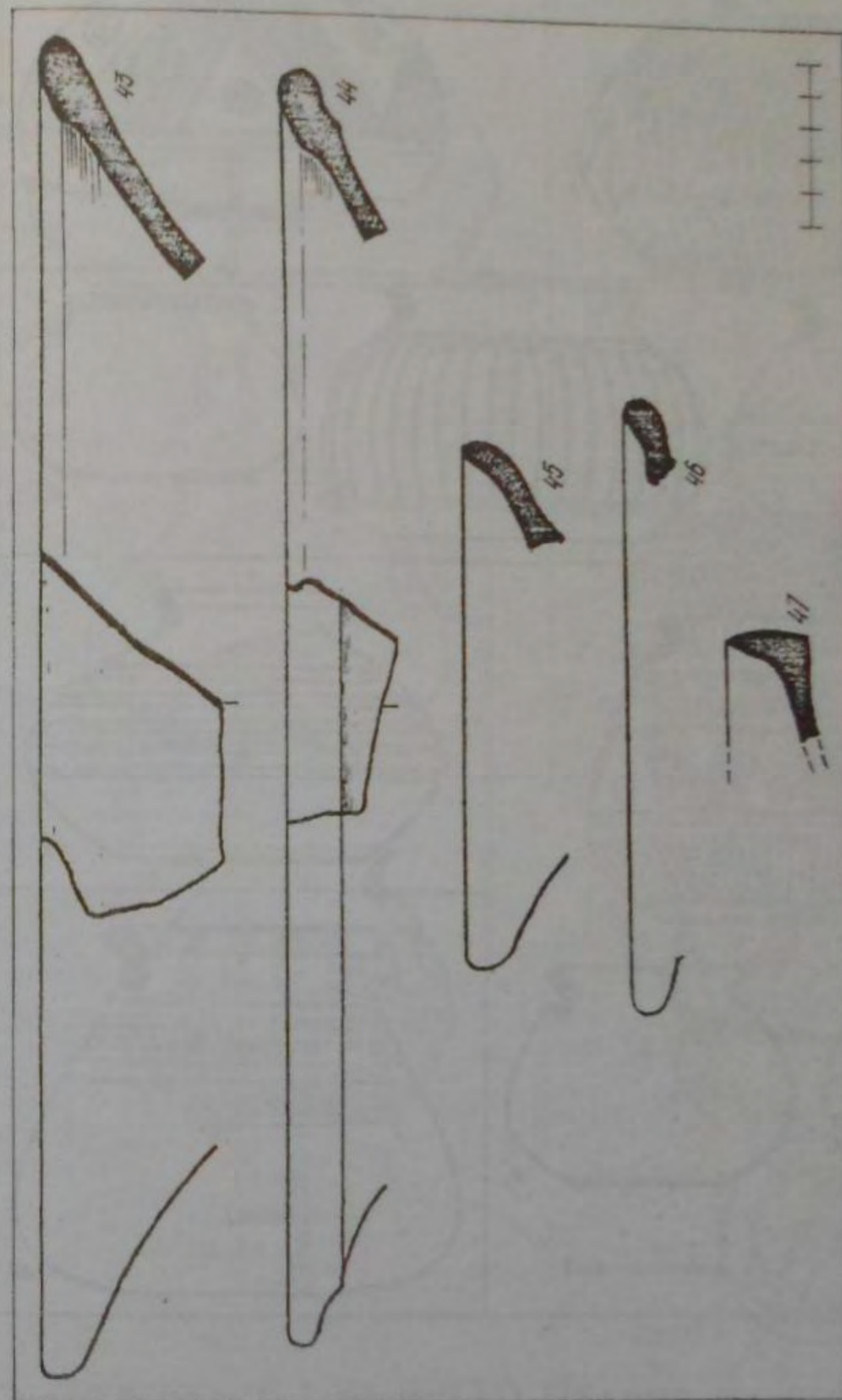

Рис. 8. Миски.
43, 44 – В.Салтово, поселение у рва, 1959, Д.Т.Березовец, Институт археологии (Киев);
45-47 – Фанагория, 1970, В.С.Флёров, Таганрогский музей.

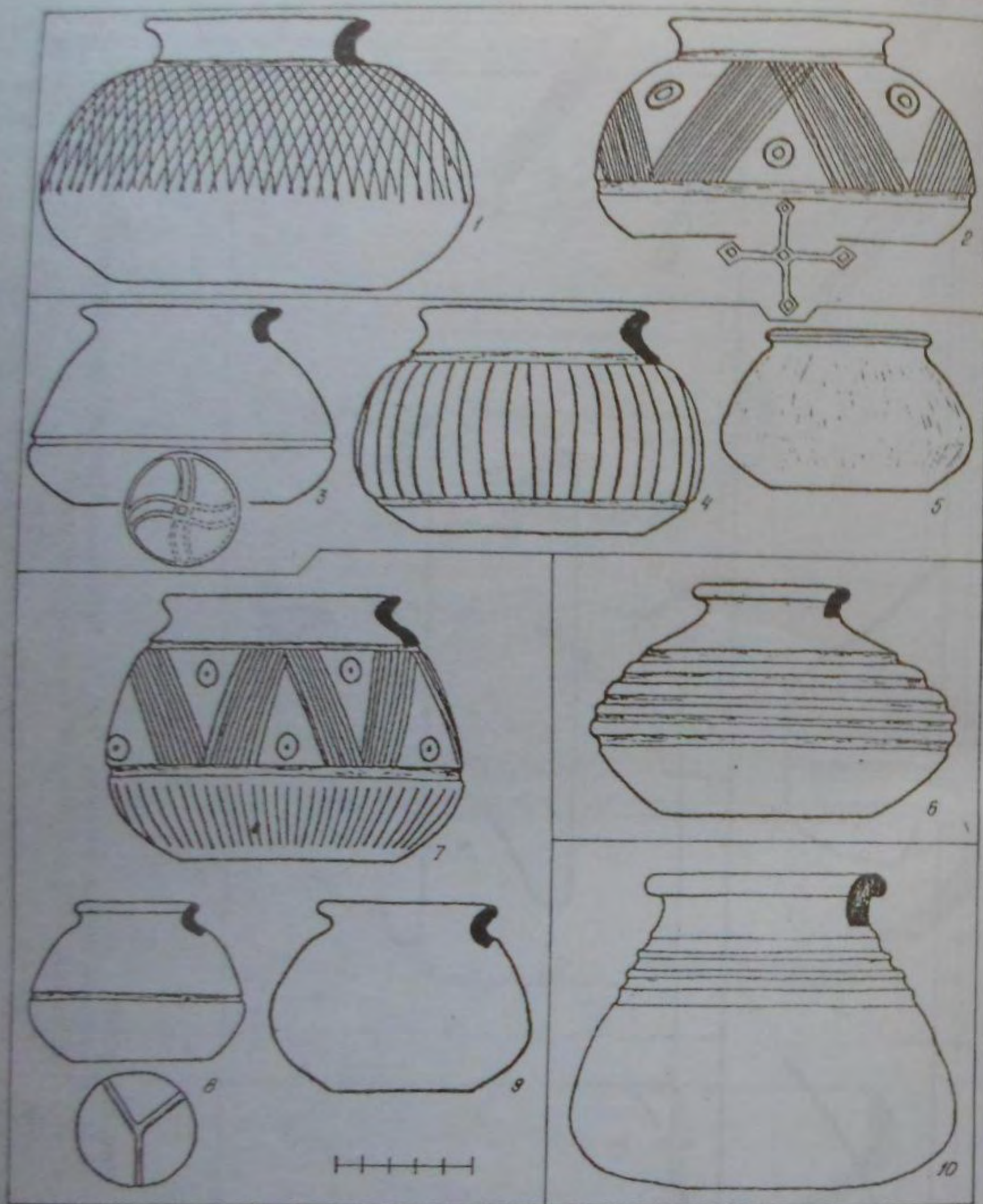

Рис. 9. Кубышки.

1 - Дмитриевский могильник, тризна XIX, С.А.Плетнёва; 2 - Северский Донец; 3 - Платское, 1966, В.К.Михеев, Харьков, университет; 4 - Райгородок, катакомбный могильник, музей г.Донецка, Украина; 5 - Маяки, посад городища, 1966, Харьков, университет; 6 - В.Салтово, Донецкий университет, Украина; 7 - Станично-Луганская, кат. №2, 1968, Луганский музей, Украина; 8 - В.Салтово, кат. №15, 1947, С.А.Семёнов-Зусер, Харьков, университет; 9 - Саркел, яма № 35, 1951, Гос. Эрмитаж; 10 - Сердюково, Харьковский музей.

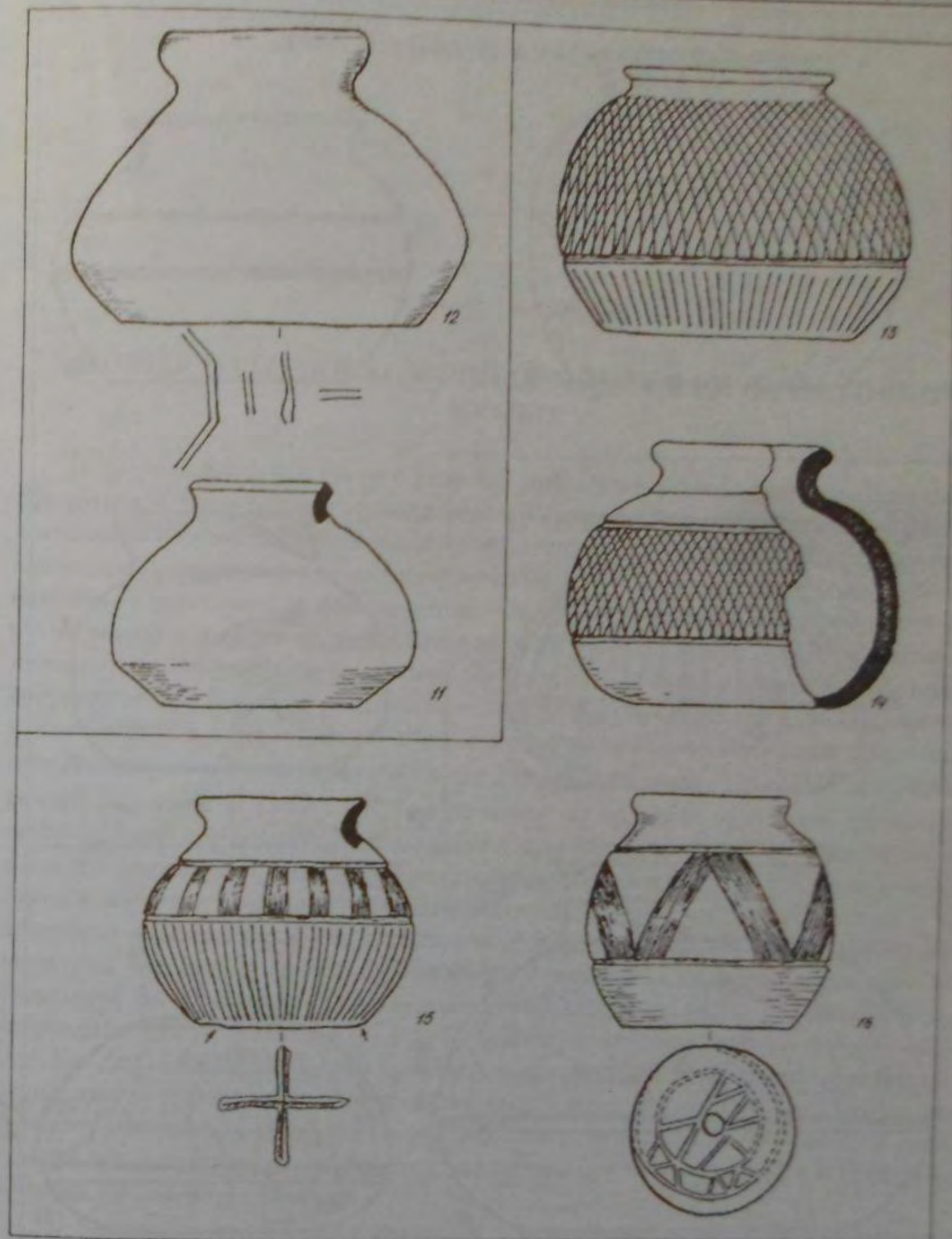

Рис. 10. Кубышки

11 - Маяки, посад городища, 1968, В.К.Михеев, Харьков, университет; 12 - Дмитриевский могильник, кат. № 60, С.А.Плетнёва; 13 - Станично-Луганская, 1968, Луганский музей, Украина; 14 - Дмитриевский могильник, кат. №148; 15 - там же, кат. №135; 16 - В.Салтов, Луганский пединститут, Украина.

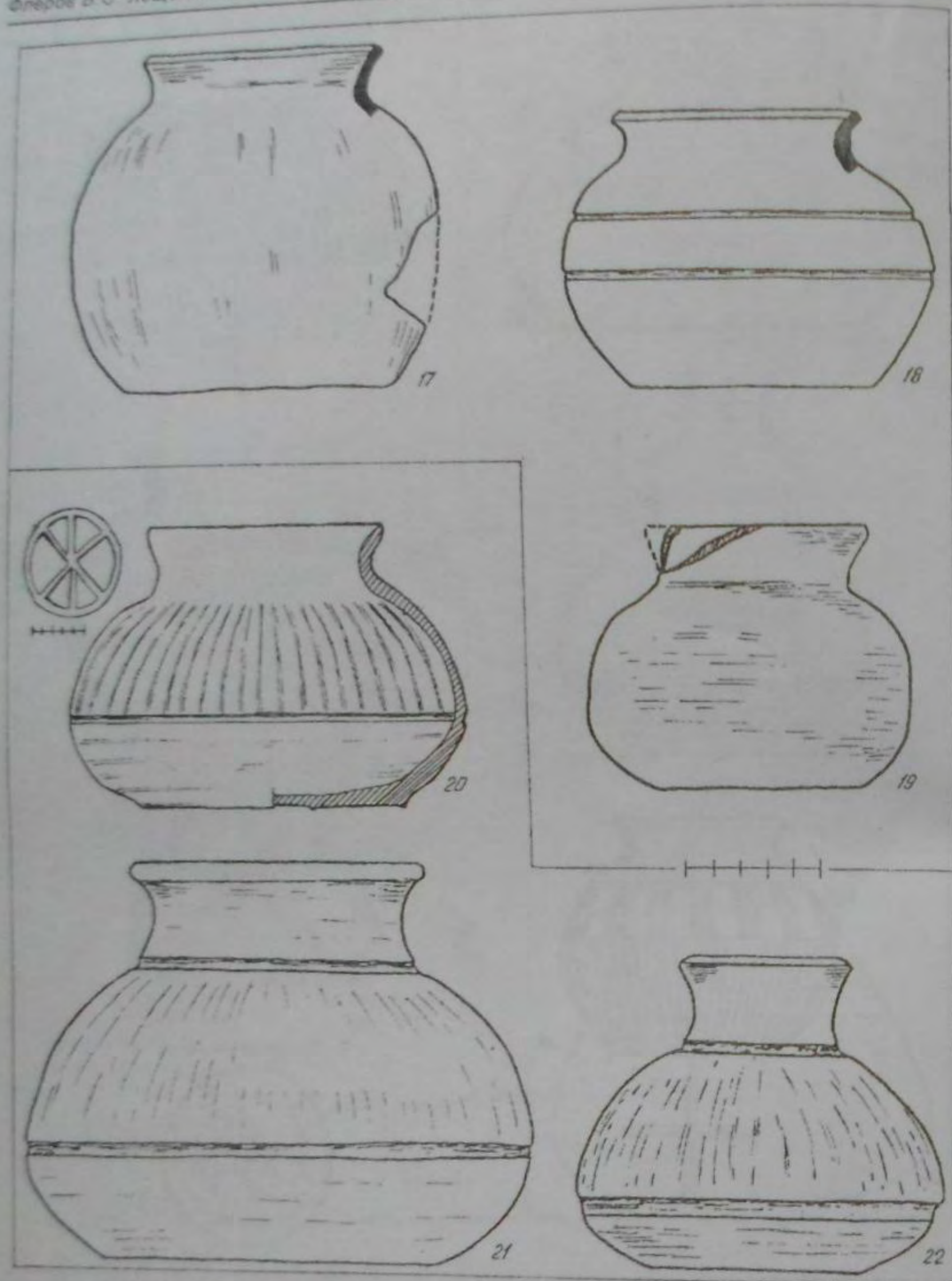

Рис. 11. Кубышки.
 17 – Дмитриевский могильник, кат. № 64, С.А.Плетнёва; 18 – Маяки, 1966, В.К.Михеев, Харьков, университет; 19 – В.Салтово, Гос. Эрмитаж; 20 – Маяцкий могильник, тризна XXI, 1979, В.С.Флёров, Воронежский университет; 21 – В.Салтово, кат. VIII, Гос. Исторический музей (Москва); 22 – В.Салтово, Гос. Исторический музей (Москва).

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

А. В. ГАВРИЛОВ

НОВЫЕ НАХОДКИ АНТИЧНЫХ МОНЕТ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

В последние годы в связи с разными причинами активизировалась поисковая деятельность частных лиц на территории Украины. Одним из направлений такой деятельности является поиск предметов из металла и монет на памятниках археологии с помощью современных детекторов металлов зарубежного производства. Зачастую находимые материалы не фиксируются учеными либо не имеют точного адреса, что существенно понижает их информативность. К тому же нужно отметить, что такая деятельность на памятниках должна регулироваться законодательством страны и государственными органами охраны и использования памятников. Об этом говорится в Европейской конвенции об охране археологического наследия, к которой присоединилась и Украина, подписав ее в Страсбурге 2 июля 1998 года [Європейська конвенція... 1998, с. 130, ст. 4]. Тем не менее, на практике памятники археологии остаются наиболее незащищенными перед всеми видами хозяйственной деятельности и посягательствами со стороны различных организаций и частных лиц. Интенсивные поиски монет с помощью металлоискателей ведутся частными лицами и на археологических памятниках Юго-Восточного Крыма. В связи с этим участились монетные находки на сельских поселениях и городищах античной эпохи в округе Феодосии, часть которых на протяжении 1994-2000 г.г. мне удалось зафиксировать у старокрымских (К.Л.Пипериди, В.В.Трофимов) и феодосийских (В.В.Андрианов, А.А.Кайдаш) коллекционеров и привязать к конкретным памятникам. Определение большинства публикуемых монет не вызвало у меня сомнений, поскольку на них относительно хорошо сохранились изображения и легенды. Античные монеты очень плохой сохранности, неподдающиеся определению и происходящие в основном из Старого Крыма, я не учитывал.

В частности, мной были осмотрены и определены монеты, происходящие с шестнадцати поселений: Софиевка, Шубино 1, Партизаны 1, Новопокровка 1, Айвазовское, Приветное 1, Кринички 1, Тамбовка 4, 6; Насыпное, Ближнее 1,3; Береговое 3, Узун Сырт (подножье), Феодосия: поселение на территории Комсомольского парка; усадьба или поселение недалеко от старого еврейского